

В мире оперы оглушительный успех — удел лишь немногих. К их числу, несомненно, принадлежат и сестры Касимовы. «Голос, подобный флейте» — это слова Кара Караева о Фидан. «Лучшая из Анд, которых я знаю» — так сказала Елена Образцова о Хураман после недавнего совместного выступления в спектакле Бакинского оперного театра.

Однако концерт, состоявшийся в конце сезона в зале Бакинской филармонии, был прощальным. Хураман Касимова вслед за старшей сестрой Фидан уезжала в Турцию на работу по контракту. Впрочем, щемящее чувство вызывала не только предстоящая разлука. Ведь блистательная оперная примадона уезжала не петь, а учить пению других — преподавателем Стамбульской консерватории, что означало для нее, как и для сестры, уход со сцены в расцвете сил, на пике творческого подъема. Как неожиданно права оказалась Зара Долуханова, когда впервые услышав сестер Касимовых, сказала, что две певицы такого масштаба — слишком большая роскошь для одной республики. Конечно, она имела в виду иное: что подобные голоса — редкий дар, требующий для своего разворота особого простора во всех смыслах слова, включая и географический [широкий спектр гастролей, контрактов]...

— Хураман-ханум, я понимаю, у вашего решения принять предложение из Стамбула есть веские основания. И все же, не горько ли было идти на этот шаг, понимая, что ставишь под сомнение всю дальнейшую оперную карьеру?

— Я не хочу соглашаться с тем, что это отказ от оперной карьеры. У меня будет возможность выступать с концертами, как это делает Фидан, уже два года работающая в той же Стамбульской консерватории. Ведутся переговоры о постановке «Евгения Онегина» в Измирском оперном театре с моим участием. Не исключено, что будут и другие предложения. Тем не менее не стану лукавить — уход со сцены, пусть и временный, для меня очень болезнен. Но что делать? Ситуация нынче, к сожалению, такова, что люди искусства не могут обеспечить себе нормальное существование в своей стране. Правда, в правительстве республики, узнав о моем намерении уехать, обеспокоились, просили остаться, обещали дополнительные персональные выплаты. Но представьте, как бы после этого я смотрела в глаза своим коллегам — тоже народным, тоже солистам, да и просто рядовым артистам, для которых правительство ничего сделать не в состоянии...

— Возможно, ваша щепетильность не всеми будет понята.

— Я бы назвала это, скорее, трезвым взглядом на вещи. Поверьте, цену себе и уж тем более Фидан, я хорошо знаю и потому считаю, что мы вправе распоряжаться своей судьбой, вправе выступать не на одной только бакинском сцене.

— Но вы же едете не петь, а преподавать. Хотя мне казалось, что у певицы вашего уровня не должно быть отбоя от творческих приглашений.

— Так и было сначала, когда после победы то на одном, то на другом международном конкурсе мы были на виду. Увы, в то время мы не могли свободно распоряжаться собой. Вспомните тогдашние порядки. В 1980 году, когда я первой из советских певиц завоевала Гран-при самого, наверное, престижного конкурса вокалистов имени Марии Каллас, председатель жюри, великий Тито Гобби, предложил мне годичную стажировку в «Ла Скала» со стипендией из своего личного фонда и даже прислал официальное приглашение. Но воспользоваться им я так и не смогла.

— Что, не нашлось денег на дорогу в Милан?

— Нет, просто приглашение «затерялось» где-то между кабинетами Министерства культуры СССР. Видимо, там решили, что с меня и Гран-при достаточно. Я всегда помню, что Москва сыграла едва ли не решающую роль в нашем с Фидан становлении как певиц. Признание дома пришло лишь после того, как нас поддержала союзная столица. Но она же строго следила за тем, чтобы никто не превратил отведенную ему планку. Это потом, много лет спустя, Дмитрий Хворостовский, победив на кон-

Почему все-таки она уезжает за рубеж?

Триумф - 1994. - 6 сент. - с. 7

курсе имени Глинки в Баку, мог беспрепятственно послать кассету со своими записями на прослушивание в лондонский «Ковент-Гарден» (и кстати, блестяще прошел конкурс). И никто его насильно не удерживал от заключения зарубежного контракта.

Для меня уникальным, как я сейчас понимаю, шансом реализоваться было бы остаться тогда, после победы, в Греции, не вернуться домой. Но это мне и в голову не пришло. Были и другие упущенные возможности. Мне до сих пор жаль, например, что, став лауреатом конкурса имени Чайковского в 1982 году, я не приняла приглашения Большого театра. Впрочем, и сейчас поступила бы так же. Дело в том, что года за два до того Фидан, будучи аспиранткой Московской консерватории, по личным обстоятельствам отказалась от работы в Большом. А я никогда, ни при каких обстоятельствах не соглашусь «обойти» ее. Ведь всем, что умею и имею, я обязана сестре. Она — человек редкостного, удивительного таланта, не получившего, считаю, заслуженного признания. Я не имею в виду звания и награды — ими она как раз не обделена: лауреат множества конкурсов, народная артистка СССР... Я — о другом: о возможности полностью реализоваться творчески.

— Да, ведь голос — это такой редкий и хрупкий дар, а век певца так короток, чтобы откладывать реализацию «на потом»... Но теперь-то, казалось, нет никаких политических или идеологических преград и двери лучших оперных театров должны быть для вас обеих распахнутыми...

— Все не так просто. Нужны хорошие менеджеры, реклама, да и «обыкновенная» удача тоже. На рекламную кампанию требуются немалые средства, которых у нас нет. Что же касается фортуны, то она упорно отворачивается — иной раз буквально в последний момент. Так в 1990 году из-за неожиданной болезни сорвался мой контракт с Каирским оперным театром. Болела я долго и тяжело. После двух лет мучительного, изнуряющего лечения удалось, казалось, справиться с недугом. Я не только чувствовала себя превосходно, но и испытывала особый, небывалый подъем. Первые же по окончании лечения гастролы в ФРГ прошли столь успешно, что нам обещали быть предложен роскошный ангажемент: Фидан — в постановке одной из вальнеровских опер, мне — в спектакле «Дон Жуан» Моцарта. Однако за месяц до показа уже разученных

партий болезнь вновь скрутила меня, на сей раз — почти безнадежно. И тут, на краю катастрофы, судьба бросила мне шанс. Американская компания «Амоко» согласилась оплатить мое лечение в Хьюстоне, где я провела долгие, показавшиеся мне бесконечными восемь месяцев. Меня вернули к жизни. В буквальном смысле слова. Поверьте, после этого я на многое стала смотреть иначе: видеть небо и солнце куда дороже, чем иметь самый заманчивый ангажемент на свете. Но вот за Фидан было обидно до боли: ведь сорвался контракт и у нее. Почти год она не пела, пока я боролась за жизнь, — не могла петь. Не знаю, плохо это или хорошо,

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

но мы прежде всего сестры, а уж потом — певицы.

— Я не решалась спрашивать вас об этом тяжелом периоде, но коль вы сами заговорили о нем — скажите, пожалуста, что придавало вам сил? Ваши близкие говорили вам, что вы держались с поражающим даже медиков мужеством. Но, что самое удивительное, смогли совершить блистательное возвращение на сцену.

— Мое «второе рождение» — заслуга прежде всего американской медицины, врачей, умеющих превратить пациента в своего союзника в борьбе за исцеление. Это совершенно непривычные для нас отношения, включающие таинственные умалчивания и секреты от больного. Я поняла, в чем смысл такой тактики. Когда ты в полной мере осознаешь грозящую тебе опасность, то и сопротивляешься тоже изо всех сил, бросая в бой все резервы. Во всяком случае так произошло со мной. И вот когда стало ясно, что все самое страшное уже позади, я вспомнила про свой голос. Очень боялась, что потеряю его. Помню, в отеле, в первый день после выписки из больницы, оставшись в номере одна, дрожа от волнения, попробовала взять несколько нот — и о чудо: голос зазвучал, как прежде! Поверьте, это был миг невообразимого счастья. Потом приехала Фидан, и мы, волнуясь как никогда прежде, дали совместный концерт в Хьюстоне. Что я испытывала тогда на сцене — словами не передать.

— Хураман-ханум, и профессионалы, и просто ваши поклонники считают, что вы сейчас находитесь в лучшей форме, чем до болезни, что голос ваш звучит глубже, мощнее, богаче...

— Стараюсь быть объективной, но мне и самой так кажется. Видите ли, страдания действительно питают творчество. Мое отношение к людям, к жизни стало более трепетным, что ли. Появилось ощущение бесценности каждого дня, каждого мига. А с другой стороны — я научилась не придавать значения мелочам, несущественным вещам. Быть может, поэтому, ощущая, конечно, известную толику горечи, не воспринимаю происходящее сейчас со мной как нечто ужасное, трагическое. Заставить меня отказаться от пения невозможно, и потому я не считаю свою, как и Фидан, оперную карьеру завершенной. Да, мне сейчас просто по-человечески необходимо быть рядом с сестрой. Но я верю, что и на большую оперную сцену мы вернемся вместе.

Вела беседу
Тунзале КАСИМОВА.

БАКУ.